

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
230

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. МАКАРОВ

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. АВИЛОВА (зам. гл. ред.), д. и. н. В. И. ЗАВЬЯЛОВ (отв. секретарь редакции),
к. и. н. К. Н. ГАВРИЛОВ, д. и. н. М. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, д. и. н. А. А. ЗАВОЙКИН,
к. и. н. А. Р. КАНТОРОВИЧ, к. и. н. В. Ю. КОВАЛЬ, к. и. н. Н. В. ЛОПАТИН,
к. и. н. Ю. В. ЛУНЬКОВА (секретарь редакции)

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 230 / Ин-т археологии
РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2013. —
296 с., ил., вклейка.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-9551-0694-6

Настоящий выпуск издания включает публикацию материалов Круглого стола «Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия». Эта Всероссийская конференция прошла в феврале 2013 г. в Отделе бронзового века Института археологии РАН и была посвящена памяти Н. Я. Мерперта (1922—2012). Публикуемые статьи освещают широкий круг проблем археологии степной и лесостепной зон Восточной Европы, Северного Кавказа, Балкан и Ближнего Востока. Особое внимание уделяется взаимодействию культур и сообществ разных регионов и уровней культурно-исторического развития в энеолите и бронзовом веке, в том числе обмену между земледельческими цивилизациями и обитателями предгорий, практиковавшими комплексное хозяйство. Среди актуальных тем — вопросы абсолютного датирования памятников и разработка новых аспектов применения метода.

Второй информационный блок посвящен обсуждению проблем и публикации новых материалов широкого хронологического диапазона от каменного века до средневековья.

Данное коллективное исследование заинтересует коллег-археологов и представителей смежных с археологией наук.

ББК 63.4

*На задней стороне обложки изображен
топорик из средневекового могильника Шекиново в Суздальском Ополье*

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.

Официальный электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

ISBN 978-5-9551-0694-6

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2013

© Авторы, 2013

© Языки славянской культуры, 2013

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ И ПЕРВОБЫТНАЯ ПЕРИФЕРИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ВВЕДЕНИЕ

С 5 по 8 февраля 2013 г. в Отделе бронзового века Института археологии РАН проходил Круглый стол «Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия». Научное мероприятие имело статус всероссийской конференции и было посвящено памяти Н.Я. Мерперта (1922–2012). К началу конференции была издана программа и тезисы докладов (Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия: Тез. докл. круглого стола, посвящ. памяти Н.Я. Мерперта (Москва, 5–7 февр. 2013 г.) / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН, 2013. 40 с.). С докладами выступило 25 ученых из целого ряда научных учреждений и организаций, общее число участников превышало 50. Интерес к научной встрече был значительным, в результате работа конференции была продлена на день.

Тематика встречи была определена желанием Оргкомитета отдать дань памяти и уважения крупнейшему специалисту по широкому кругу проблем эпохи раннего металла Николаю Яковлевичу Мерперту – специалисту мирового класса в области первобытной археологии Восточной Европы, Балкан и Передней Азии. Многие из участников научной встречи являются его учениками. Прозвучавшие доклады были определены широтой научных интересов Н.Я. Мерперта и касались целого ряда проблем археологии степной и лесостепной зон Восточной Европы, Северного Кавказа, Балкан и Ближнего Востока, при этом центральное место занимала проблема связей и взаимодействий культур и сообществ разных регионов и уровней культурно-исторического развития.

Почему для конференции была избрана данная тема? Эпоха раннего металла (ЭРМ) отмечена рядом существенных инноваций, прогрессом в разных областях производства и социального развития. Представленная в докладах разработка новых и уже известных археологических данных касалась большого круга проблем, связанных с уточнением границ культурных групп, различными производствами, торгово-обменными отношениями и путями контактов, анализом погребальных памятников и поисками структурирующих элементов погребального обряда. Привлечение письменных и иконографических источников, обширных сравнительных материалов по синхронным и синстадиальным культурам близких и отдаленных территорий позволило получить ряд выразительных характеристик ЭРМ – этой переломной эпохи человеческой истории.

Взаимодействие культурно-исторических зон в энеолите и бронзовом веке докладчики связывали с наличием или отсутствием природных ресурсов и развитием обмена между земледельческими цивилизациями – производителями сельскохозяйственной продукции, и обитателями предгорий и горных плато, практиковавшими комплексное хозяйство, в котором важную роль играли скотоводство и добыча минерального сырья.

Среди актуальных тем встречи следует указать на проблемы абсолютного датирования памятников, создание банков данных по ^{14}C датировкам, разработку новых аспектов применения метода.

Участники встречи не могли не затронуть вопросов социальной интерпретации ярких археологических материалов. Содержащиеся в общих концепциях социально-экономического развития характеристики и определения таких общественных феноменов, как лидерство, бигменство, вождество, престижная экономика, поражают, с одной стороны, близостью целого ряда признаков, применяемых для характеристики этих явлений, а с другой – их дискуссионностью. При обсуждении докладов складывалось впечатление, что такие феномены, как престижная экономика, вождество и многое другое, следует расценивать не как узкостадиальные явления, а как общие поведенческие модели, которые не укладываются в рамки последовательных этапов развития человеческих коллективов, а входят в нее как некие параллельные течения.

Большинство статей, публикуемых в первой части данного выпуска, написаны по материалам докладов Круглого стола. Этот раздел дополнен еще несколькими работами, посвященными близкой тематике и хронологическому периоду.

Н. Л. Моргунова

РАДИОКАРБОННАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

N.L. Morgunova. Radiocarbon chronology of the Pit-Grave culture in the area between the Volga and Ural Rivers

Abstract. This study is devoted to the development of chronology and periodization of the Pit-Grave (Yamnaya) culture in the Volga and Ural interfluvium. Establishing the chronology of the Pit-Grave culture by archaeological approaches has difficulties due to the lack of artifacts in the most studied burials. To solve the problem the special excavation of three kurgan groups in the Orenburg region of Russia was carried out over the last decade. 18 kurgans of the Pit-Grave culture were studied using archaeological, paleopedological approaches and radiocarbon dating. The funeral complexes studied were divided into 3 stages. A variety of carbon-containing materials from the same complexes were dated to increase the accuracy of the obtained dates. Dating was made in different laboratories. In addition, from the excavations of the last years some monuments of the Repino stage referred to the early period of the Pit-Grave culture have been dated using ceramics. Based on archaeological and paleopedological data the radiocarbon dating helped to clarify and, in general, to confirm the three-stage periodization of the Pit-Grave culture in the Volga-Ural interfluvium: the early (Repino) stage – 4000–3300 BC, the advanced (Classical) stage – 3300–2600 BC with two, A and B, steps – 3300–2900 and 2900–2600 BC respectively, and the late (Poltavkinsky) stage – 2600–2300 BC.

Ключевые слова: ранний бронзовый век, ямная культура, волжско-уральское междуречье, периодизация, радиоуглеродное датирование.

В истории бронзового века Евразии ямная культура, занимавшая степное пространство от Дуная на западе до Южного Урала на востоке, сыграла большую роль (Мерперт, 1974). На огромной территории сформировалась культурно-историческая область, население которой практиковало единообразный погребальный обряд в виде земляных курганов над глубокими и обширными могильными ямами. Характерны положение скелетов скорченно на спине и с наклоном на правый бок, посыпка охрой. Население занималось кочевым скотоводством, освоило колесный транспорт, использовало медные орудия труда. На Южном Урале было освоено производство металла на базе Каргалинского месторождения меди.

Ввиду перехода от энеолита к бронзовому веку и очевидной связи с ямной культурой распространения многих технических достижений того времени особое значение приобретает проблема установления хронологических рамок существования всей культуры и выделения этапов ее развития. Но датирование ямных погребений археологическими методами затруднительно, поскольку большинство из них безынвентарно.

Наиболее стабильно ямная культура развивалась на территории волжско-уральского междуречья (рис. 1). Однако радиоуглеродное (далее – ^{14}C) датирова-

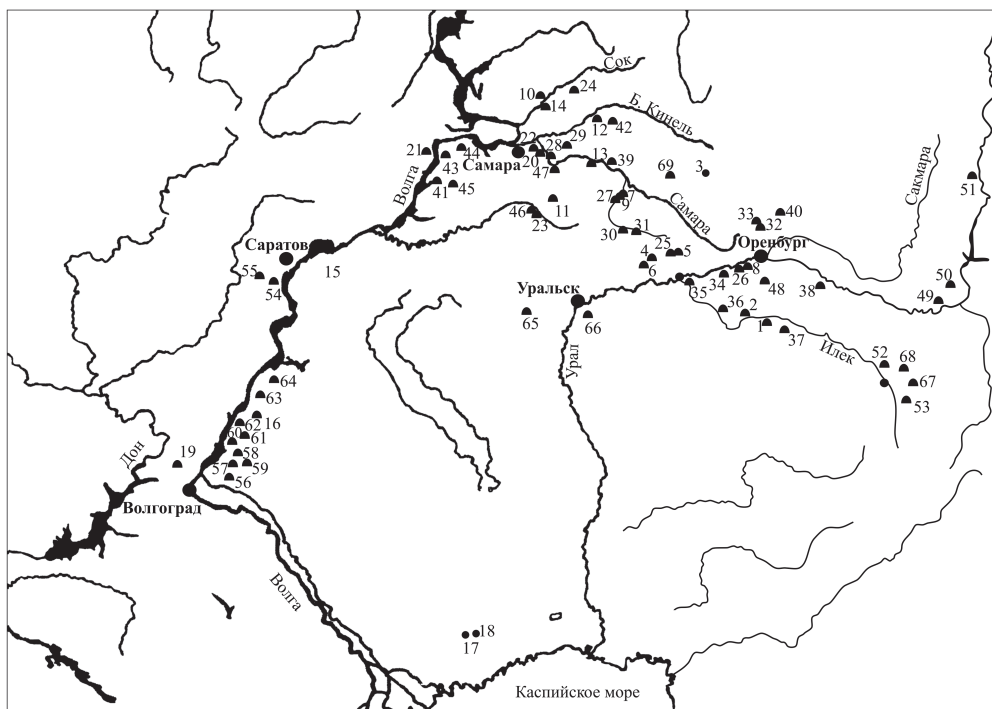

Рис. 1. Карта расположения памятников ямной культуры волжско-уральского междуречья

Имеющие ^{14}C даты: 1 – КМ Тамар-Уткуль VII, VIII; 2 – КМ Изобильное I; 3 – поселение Турганинское; 4 – КМ Шумаево ОК, I и II; 5 – КМ Мустаево V; 6 – КМ Болдырево I; 7 – КМ Скворцовка; 8 – КМ Ниж. Павловка V; 9 – КМ Петровка; 10 – КМ Лопатино I; 11 – КМ Орловка I; 12 – КМ Полудни II; 13 – КМ Гвардейцы II; 14 – КМ Грачевка II; 15 – КМ Шумейка; 16 – КМ Скатовка; 17 – пос. Кызыл-Хак I; 18 – пос. Кызыл-Хак II; 19 – пос. Хутор Репин; 20 – КМ Нур I; 21 – КМ Уваровка II; 22 – КМ Подлесное I; 23 – КМ Журавлиха I; 24 – КМ Калиновка I; 25 – КМ Герасимовка II; 26 – КМ Пятилетка; 27 – КМ Курманаевка III; 28 – КМ Красносамарское I-IV; 29 – КМ Кутулук I; 54 – ОК Панинское 6Б; 55 – Золотой Курган.

Не имеющие ^{14}C даты: 30 – КМ Ефимовка IV; 31 – КМ Свердловло I; 32 – КМ Уранбаш; 33 – КМ Першин; 34 – КМ Краснохолм II, КМ Кардаилово I-II; 35 – КМ Илекский; 36 – КМ Линевка III, ОК Линевка; 37 – КМ Увакский; 38 – КМ Буранчи I; 39 – КМ, погр. у с. Колтубанка; 40 – КМ Новотроицкий I на Салмыше; 41 – КМ Екатериновка; 42 – КМ Березняки; 43 – КМ Кашпир II, III; 44 – КМ Преполовенка I; 45 – КМ Владимировка; 46 – КМ Тамбовка II; 47 – КМ Утевка I, КМ Покровка II; 48 – КМ Донгуз II; 49 – КМ Новотроицкий I Гайский; 50 – КМ Ишкиновка I-II; 51 – КМ Мало-Кизильский II; 52 – КМ Танаберген II; 53 – КМ Жаман-Каргала I; 56 – КМ Верхне-Погромное; 57 – КМ Калиновский (Волгоград. обл.); 58 – КМ у х. Степана Разина; 59 – КМ Быково I, II; 60 – КМ Политотдельское; 61 – КМ Бережновка I, II; 62 – КМ Иловатка; 63 – КМ Ровное; 64 – КМ Старая Полтавка; 65 – КМ Светлое Озеро; 66 – КМ Илекшар I; 67 – КМ Шандар; 68 – КМ Курайли I; 69 – КМ Грачевка (Оренбург. обл.)

ние вплоть до середины 1990-х гг. здесь не проводилось. Ситуация изменилась за последние 15 лет. К настоящему времени для памятников ямной культуры Волго-Уралья стало известно более 115 ^{14}C определений, не считая ^{14}C дат по карбонатам из погребенных почв приуральских курганов (Кузнецов, 1996; 2003; 2007; 2008; Моргунова и др., 2003; 2005; Моргунова, 2006; 2007).

Методы

В Оренбургской обл. последние 10 лет исследования ряда курганных могильников ямного времени осуществлялись с использованием как радиоуглеродного датирования, так и других методов естественных наук, в частности палеопочвоведения. По этой методике было изучено 18 курганов ямной культуры в могильниках: ОК Шумаево II, КМ Шумаево I и II; КМ Мустаево V; КМ Скворцовка. В 5 из 19 погребений были найдены вещи, в том числе керамика, металл и костяные булавки, которые могут быть сопоставлены с материалами других ямных памятников Приуралья и Поволжья, раскопанных ранее.

В связи с безынвентарностью большинства погребений важным дополнением к данной работе стали палеопочвенные исследования, проведенные на всех курганах О.С. Хохловой и А.А. Гольевой (Хохлова, Хохлов, 2005; Хохлова, 2007; Гольева, 2006). По структуре и составу погребенных почв устанавливалась очередность сооружения курганов, т. е. курганы в пределах одного могильника подразделялись на разновременные группы, что, как правило, подтверждалось дальнейшим радиоуглеродным датированием. Кроме того, определялся ^{14}C возраст карбонатов, что также помогло установлению очередности сооружения курганов. В ряде случаев было прослежено, что курган возводился на подрезанной погребенной почве, взятой для сооружения насыпи соседнего кургана. Например, курган 8 в КМ Мустаево V был возведен на срезанной в результате первоначальной насыпки кургана 9 поверхности почвы. Таким образом, во-первых, устанавливалась поправка к дате по гумусу из кургана 8, образец на ^{14}C анализ из которого брался, как оказывалось, не из верхнего горизонта, а из более древнего слоя погребенной почвы. Во-вторых, были получены дополнительные данные для суждения об очередности сооружения курганов и для интерпретации ^{14}C датировок, полученных по погребениям из каждого кургана.

Всего в трех памятниках изучено 19 погребений в 18 курганах ямной культуры и получены 62 радиоуглеродные даты, которые были в свое время полностью опубликованы и проанализированы в специальных статьях (Моргунова, Хохлова, Зайцева и др., 2003; Моргунова, Хохлова, Гольева, Зайцева, Чичагова, 2005; Моргунова, 2006; 2007; Моргунова, Гольева и др., 2010; Morgunova, 2011). В данной статье ввиду ограничения объема не ставится задача анализа каждой даты, приводятся только обобщенные данные.

Радиоуглеродные даты получены для всех без исключения погребений, в том числе безынвентарных или разрушенных каким-либо образом. Для ^{14}C анализа отбирались все возможные по каждому комплексу материалы – кость человека, древесина из перекрытий и частей колесных повозок, гумус из погребенных почв, керамика. Для ряда погребений получены по 2–4 даты. Но, к сожалению,

проверка одной полученной даты не всегда была возможна ввиду отсутствия тех или иных углеродосодержащих материалов в большинстве изученных погребений.

Кроме того, было проведено ^{14}C датирование ряда погребений ямной культуры из раскопок 80–90-х гг. XX в. как в Оренбургской, так и в других областях Поволжья. Полученные данные представляли все этапы развития культуры, в том числе раннего (репинского) этапа (Петровка, Скатовка, Шумейка, Репин Хутор, Кызыл-Хак I и II). Поскольку эти памятники из старых раскопок, провести анализы возможным представлялось только по керамическому материалу. Так, к примеру, получилось, что памятники репинского времени нами датированы только по керамике, поскольку в последнее десятилетие ни одного погребения этого периода не открыто (*Моргунова, Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2010; Моргунова, Зайцева, Ковалюх, Скрипкин, 2011*). Исключением является КМ Орловка I 2/2, для которого по кости человека получена дата, совпавшая с результатами по керамике.

Известно, что некоторые исследователи не доверяют результатам ^{14}C датирования керамики (*Черных, Орловская, 2011*). Сомнения имеют под собой почву. Так, согласно технико-технологическому анализу, датированная нами керамика изготавливалась из илов или илистых глин, содержавших обломки речной ракушки, а иногда в глину добавлялась предварительно пережженная примесь толченой ракушки, которая может значительно удревнить дату (*Салугина, 2005. С. 90, 91*). Однако в ходе анализа данной керамики использовалась методика, по которой примеси, влияющие на абсолютный возраст датируемого образца, тщательно удалялись с помощью специальных препаратов (*Ковалюх, Скрипкин, 2007; Зайцева и др., 2008*). Относительная надежность данной методики установлена и по результатам радиоуглеродного датирования керамики эпох неолита и энеолита Поволжья (*Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008; Зайцева, Скрипкин и др., 2008; Zaitseva, Skripkin et al., 2009; Зайцева, Скаковский и др., 2011; Выборнов, 2012; Моргунова, Выборнов и др., 2010*). Однако это не исключает неудачи в датировании. Иногда ^{14}C даты, полученные как по керамике, так и по другим материалам, не соответствуют большинству датировок и имеют или значительно меньшее, или значительно большее значение¹. В то же время, по нашим данным, по ряду комплексов наблюдается совпадение ^{14}C дат, полученных как по керамике, так и по другим материалам. Например, – Тамар-Уткуль VIII 4/1 (табл. 2, 40, 41), Скворцовка 5/1, 4 (табл. 3, 1–3), Скворцовка 6/1, 3 (табл. 3, 5–7).

¹ В каждом случае необходима проверка полученных ^{14}C дат путем как альтернативных датировок данного комплекса, так и датировками в других лабораториях. В настоящей работе в таблицы включены только «работающие даты», т. е. как совпадающие по своим значениям с археологическим контекстом, так и взаимно проверяемые. Например, 28 дат, полученных по карбонатам из погребенных почв, использовались нами в исследованиях только для установления очередности сооружения курганов в пределах одного могильника. По своим значениям они значительно удревнены и неприемлемы для археологической работы. В приведенных здесь таблицах убраны даты, которые не совпадают с большинством дат одного погребального комплекса. Все они опубликованы ранее и соответственно проанализированы. По нашим данным, таких дат 12.

Иногда противоречивые результаты ^{14}C датирования получаются также по костям человека. Они могут проверяться датированием по другим материалам, когда это возможно. Что касается мнения о необходимости проверки ^{14}C дат, сделанных по костям человека изотопным анализом, и поправки на резервуарный эффект, то такие исследования в Волго-Уралье пока единичны. На мой взгляд, поправка на резервуарный эффект для ^{14}C дат ямной культуры не столь актуальна, поскольку население занималось кочевым скотоводством, вело подвижный образ жизни и вряд ли активно практиковало рыбную диету. Это мнение подтверждается рядом датированных нами комплексов Приуралья, для которых ^{14}C даты, полученные по кости человека, совпадают с датами, полученными по другим материалам (табл. 2, 14–17, 18, 19, 20–22; 3, 1–4, 5–7). Но следует иметь в виду и результаты анализов на изотопное фракционирование по пяти комплексам Шумаевских и Мустаевских курганов, полученные Э.П. Зазовской (табл. 4). Во всех 5 случаях анализ показал возможность присутствия резервуарного эффекта и необходимость поправки возраста этих погребений в среднем на 100 лет в сторону удревления.

Радиоуглеродное датирование проводилось в разных лабораториях – Института географии РАН (О.А. Чичагова, Э.П. Зазовская), ИИМК РАН (Г.И. Зайцева), Киевской радиоуглеродной лаборатории НАН Украины (Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин), Познанской (Tomasz Goslar) и Гронингенской (J. Van der Plicht) радиоуглеродных лабораториях. Калибровка ^{14}C дат проводилась в соответствующих лабораториях. Полученные данные представлены в табл. 1–3.

В итоге радиоуглеродное датирование, примененное с опорой на палеопочвенные и археологические данные, позволило уточнить и в целом подтвердить трехэтапную периодизацию развития ямной культуры на территории волжско-уральского междуречья: I – ранний (репинский), II – развитой А и В (городцовский); III – поздний (полтавкинский) этапы². Остановимся кратко на обосновании данной периодизации по результатам проведенного радиоуглеродного датирования.

Ранний – репинский этап. На этом этапе сохраняется ряд признаков степного энеолита, но такие черты ямной культуры, как курганы с положением умерших скорченно на спине с подогнутыми ногами, окраска охрой, восточная ориентировка, становятся господствующими в погребальном обряде. Происходят изменения в технологии и оформлении глиняной посуды, распространяются первые медные изделия местного производства (рис. 2).

Памятники этого периода представлены захоронениями под курганами и кратковременными поселениями, видимо имевшими сезонный характер.

² В своих работах я придерживаюсь уже достаточно устоявшейся и принятой большинством исследователей периодизации ямной культуры, начало разработке которой положено Н.Я. Мерпертом и позднее немного уточненной в других работах (*Мерперт*, 1974; *Васильев*, 1979; *Дремов*, *Юдин*, 1992; *Моргунова*, 1991; *Трифонов*, 1996). Полагаю, что переименование этапов ямной культуры и замена устоявшихся терминов на новые (*Кузнецов*, 2008; 2010) не только не имеет смысла и запутывает исследователей, которые занимаются изучением проблем бронзового века за пределами волжско-уральского междуречья, но и недопустимо с точки зрения научной этики.

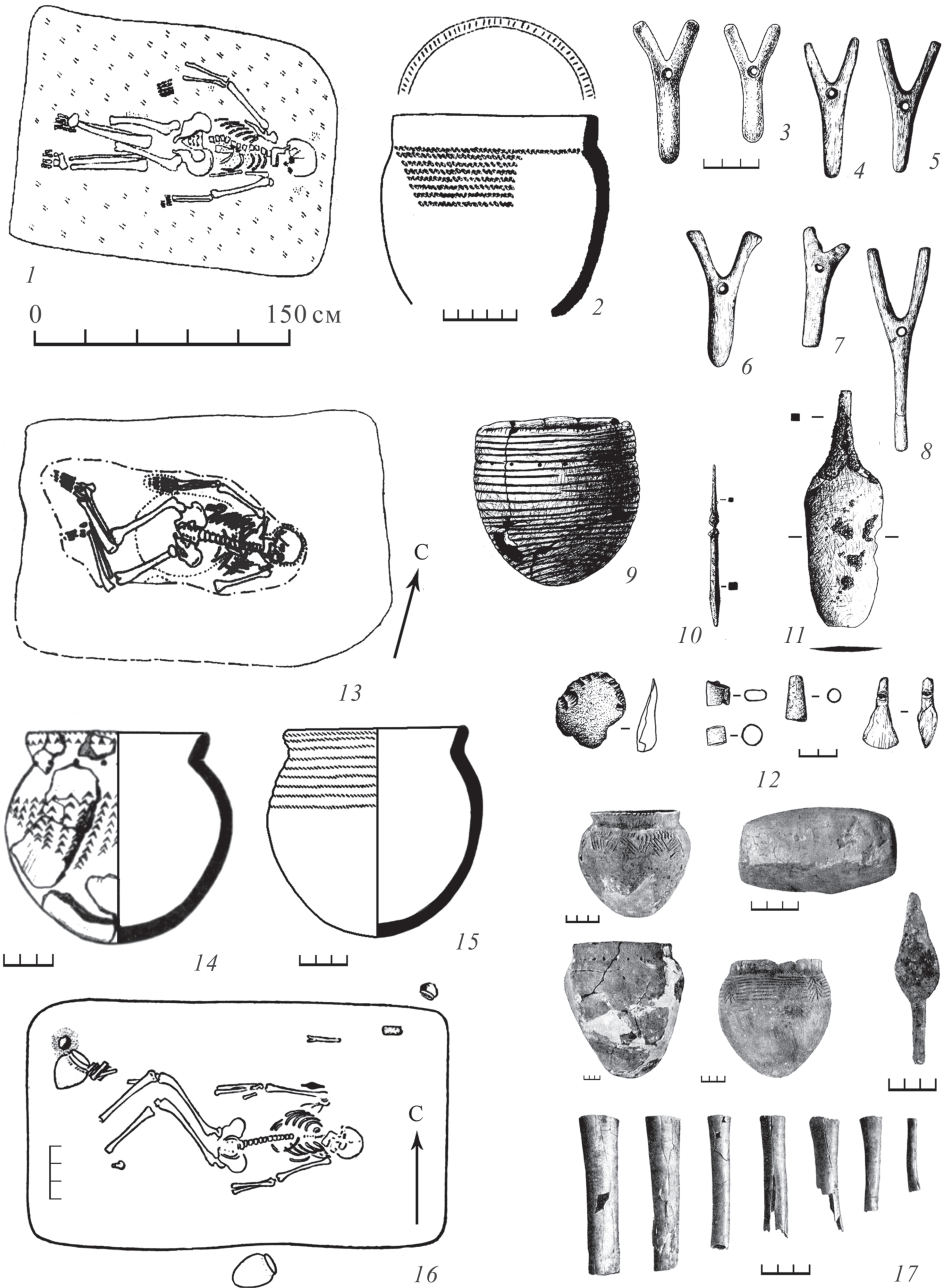

Рис. 2. Ранний (репинский) этап ямной культуры волжско-уральского междуречья
 1–3 – КМ Лопатино I 31/1; 4–12 – КМ Герасимовка II 4/2; 13–15 – КМ Петровка 1/1; 16, 17 – КМ
 Скатовка 5/3

Таблица 1. Радиоуглеродные даты памятников раннего (репинского) этапа ямной культуры волжско-уральского междуречья

№ п/п	Комплекс	Шифр лаборат.	Материал	Дата ВР	Калиброванная дата ВС 68%	Традиционная дата до н. э.	Артефакты
1	Кызыл-Хак II пос.	Ki 15092	кр	4550 ± 70	3370–3100	2600 ± 70	керамика
2	Кызыл-Хак II пос.	Ki 15075	кр	4730 ± 70	3540–3490	2780 ± 70	керамика
3	Кызыл-Хак I пос.	Ki 14542	кр	4510 ± 80	3350–3100	2560 ± 80	керамика
4	Кызыл-Хак I пос.	Ki 14543	кр	4540 ± 80	3300–3100	2590 ± 80	керамика
5	Кызыл-Хак I пос.	УПИ-430	?	4900 ± 40	–		керамика
6	Кызыл-Хак II пос.	ГИН ?	г	5050 ± 45	3900–3700	3100 ± 45	керамика
7	Турганикское пос.	Ki 15597	кр	4710 ± 80	3630–3370	2760 ± 80	керамика
8	Турганикское пос.	Ki 15598	кр	5230 ± 90	4230–3960	3280 ± 90	керамика
9	Турганикское пос.	Ki 15599	кр	5150 ± 90	4050–3790	3200 ± 90	керамика
10	Хутор Репин пос.	Ki 16486	кр	4830 ± 80	3710–3520	2880 ± 80	керамика
11	Хутор Репин пос.	Ki 16272	кр	5060 ± 80	3960–3770	3110 ± 80	керамика
12	КМ Лопатино I 31/1 (яма со ступеньками)	AA 47804	кч	4432 ± 66	3300–3100	2482 ± 66	глин. чаша, кам. нак. стрелы
13	КМ Лопатино I 31/1	Ki 7764	кч	4560 ± 80	3300–3100	2610 ± 80	-«»-
14	КМ Лопатино I 31/1	Ki 14544	кр	4750 ± 70	3700–3300	2800 ± 70	-«»-
15	КМ Лопатино I 31/1	Ki 14545	кр	4800 ± 80	3700–3300	2850 ± 80	-«»-
16	КМ Петровка 1/1	Ki 14521	кр	4730 ± 90	3640–3490	2780 ± 90	два сосуда
17	КМ Орловка I 2/2	JE 7896	кч	4790 ± 150	3700–3400	2840 ± 150	медные нож и шило
18	КМ Скворцовка 5/2	Ki 16268	кр	5140 ± 70	4000–3800	3190 ± 70	глин. сосуд
19	КМ Скатовка 5/3 с.2	Ki 16487	кр	4890 ± 70	3770–3630	2940 ± 70	3 сосуда, медный нож, пластина из клыка кабана, костяные трубочки
20	КМ Скатовка 5/3 с.3	Ki 16488	кр	5080 ± 80	3970–3790	3130 ± 80	-«»-
21	КМ Шумейка, компл. А	Ki 16276	кр	5290 ± 100	4230–3980	3340 ± 100	глиняный сосуд
22	КМ Шумейка, компл. В	Ki 16277	кр	5420 ± 100	4360–4050	3470 ± 100	глиняный сосуд
23	КМ Герасимовка II 4/2	GrA 54389	кр	4480 ± 35	3390–3095	2630 ± 35	глиняный сосуд, медные нож и пронизки, кост. рогатые булавки
24	КМ Грачевка II 7/2	AA-53808	кч	4419 ± 56	3340–2910	2469 ± 56	2 сосуда: кругло- и плоскодонный
25	КМ Грачевка II 7/1	AA - 53807	кч	4361 ± 55	3120–2880	2411 ± 55	камен. пест, круглодонный сосуд

Сокращения здесь и далее: кч – кость человека, кр – керамика, г – погребенная почва, кж – кость животного, д – дерево, тр – растительный тлен, пос. – поселение; ОК – одиночный курган, КМ – курганный могильник, 31/1 – номер кургана / номер погребения.

Примечание: Даты впервые опубликованы: № 1–4, 7–9, 16: *Моргунова, Выборнов и др.*, 2010; 5, 6: *Барынкин*, 1992; 12, 13: *Кузнецов, Ковалюх*, 2008; 14, 15: *Кузнецов*, 2007; 17: *Овчинникова, Фадеев*, 2007; 18–22: *Моргунова и др.*, 2011; 23: публикуется впервые; 24, 25: *Кузнецов*, 2011.

Для радиоуглеродного датирования были взяты фрагменты керамики стоянок в Северном Прикаспии (Кызыл-Хак I и II), Турганского поселения (средний слой) в Южном Приуралье и поселения Репин Хутор (табл. 1, 1–II). Хронология, установленная для всех трех поселений, близка. Диапазон дат устанавливается в значениях от 5230 ± 90 до 4540 ± 80 ВР, по калиброванной шкале – в пределах 4200–3100 ВС. Однако, учитывая, что часть дат могла быть немного удревнена, нижняя хронологическая граница периода может быть откорректирована до значения 3900–4000 ВС. Окончание репинского этапа развития ямной культуры может быть определено в интервале 3400–3500 ВС, что подтверждается ^{14}C датами для начала развитого этапа.

Подкурганные погребения в курганных могильниках Скатовка, Петровка, Орловка I, Скворцовка, Лопатино I отнесены к репинскому горизонту по наличию в них типичной керамики и металлических изделий. Даты для них получены как по керамике, так и костям человека. Их значения различны, немногие из них выглядят несколько удревненными, некоторые, наоборот, несколько омоложенными. В целом они аналогичны ^{14}C датам по поселениям (табл. 1, 12–25).

Таким образом, на основании радиоуглеродных определений хронологические рамки раннего этапа ямной культуры в Волго-Уралье определяются в пределах примерно от 4000 до 3300 ВС. В целом, культура удревняется в сравнении с прежними представлениями (Черных, Орловская, 2004; Кузнецов, 2011; 2013) примерно на 500 лет. Данный вывод подтверждается фактами синхронности ранних майкопских курганов и памятников репинского типа (например, Павловск 31/4, 5 на Дону и др.). Хронология майкопских памятников достаточно надежно установлена ^{14}C датами (Корневский, 2004; Корневский, Резепкин, 2008).

Развитой (городцовский, классический) этап по совокупности данных палеопочвоведения и радиоуглеродного датирования подразделен на 2 хронологические ступени – А и В.

К «Развитому этапу А» отнесены КМ Шумаево I 3/6; КМ Мустаево V 8/2, 9/2; КМ Скворцовка 9/1 (рис. 3, II А).

Большинство ^{14}C дат для погребений этой группы (табл. 2, 1–6) имеют значения от 4440 ± 140 до 4245 ± 35 ВР, согласно которым допустимый калиброванный интервал устанавливается в достаточно широких пределах – от 3400 до 2600 ВС. Но уточнить верхнюю границу этого интервала позволяют ^{14}C даты для курганов Нижняя Орлянка I 4/2 и 1/5, а также погребения Кутулук I 4/1 с медным мечом-скипетром, КМ Полудни I 2/7, КМ Грачевка II 5/2 (табл. 2, 7–13). Для них ^{14}C даты имеют более узкий калиброванный интервал в пределах 3365–2800 ВС. Таким образом, возможное время бытования курганов группы «Развитой этап А» установлено в пределах от 3300 до 2900 ВС. Установленные хронологические рамки подтверждаются данными палеопочвоведения, согласно которым погребенные почвы под курганами группы А существенно отличаются по своим свойствам от курганов группы В, что свидетельствует о некотором временном интервале между их сооружением.

К «Развитому этапу В» отнесены ОК Шумаево II, КМ Шумаево II 6/6, КМ Мустаево V 1/1, КМ Скворцовка 7/1, 8/1.

По данным археологии, памятники этой ступени сохраняют все признаки погребальной традиции предшествующего этапа (рис. 3, II В). Однако сущес-

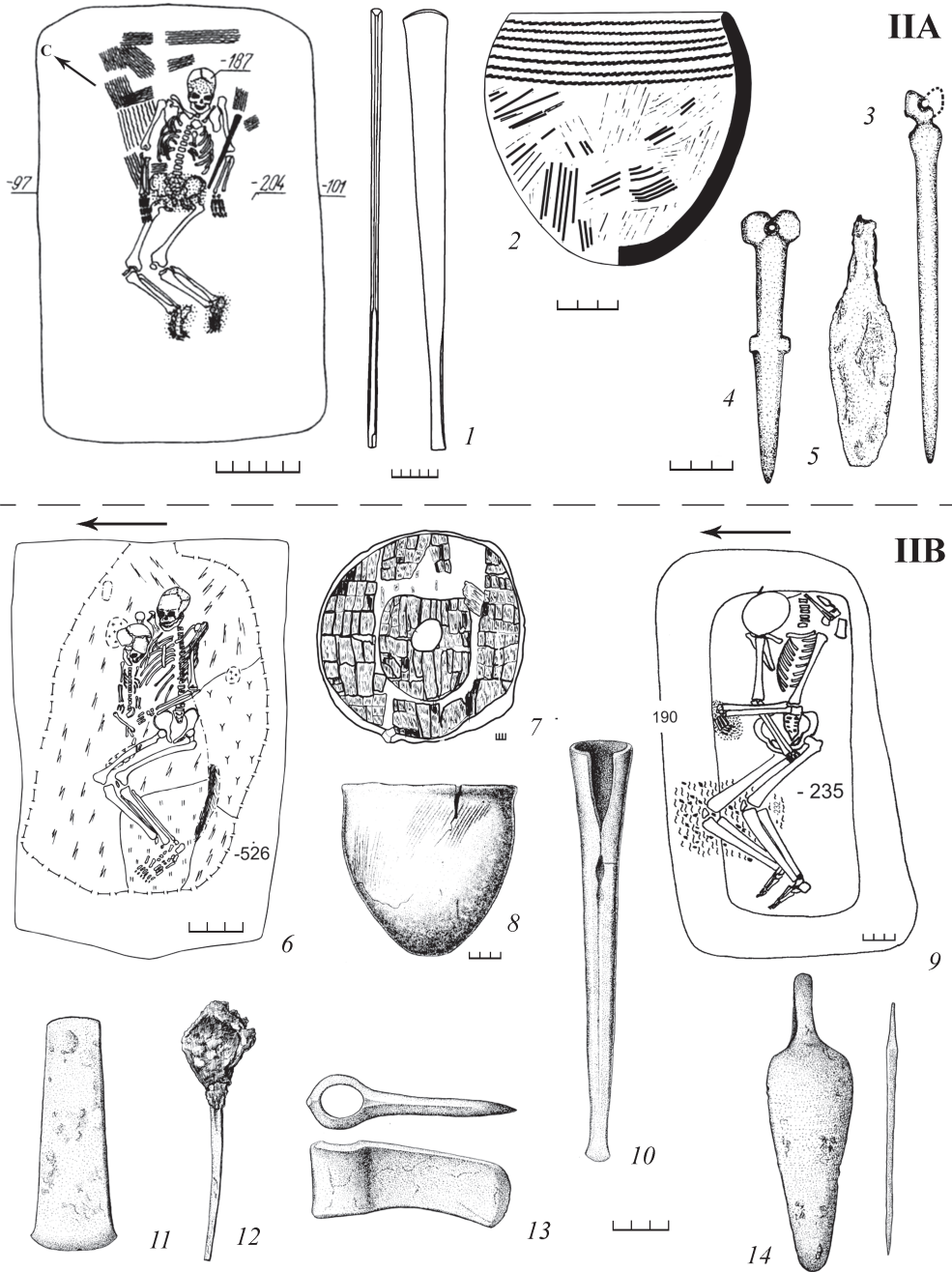

Рис. 3. Развигтой этап

II A: 1 – КМ Кутулук I 4/1; 2 – КМ Мустаево V 8/2; 3–5 – КМ Мустаево V 9/2. II B: 6, 7 – ОК Шу-маево п. 2; 8 – КМ Тамар-Уткуль VIII 8/1; 9–14 – КМ Тамар-Уткуль VII 8/4

**Таблица 2. Радиоуглеродные даты развитого этапа ямной культуры
волжско-уральского междуречья**

№ п/п	Комплекс	Шифр лаборат.	Материал	Дата ВР	Калиброванная дата ВС 68%	Традиционная дата (до н. э.)	Артефакты
Развитый этап А							
1	КМ Мустаево V 8/2	ИГАН 3016	г	4480 ± 100	3475–3174	2530 ± 100	круглодонный сосуд
2	КМ Мустаево V 8/2	Poz-47868	кр	4245 ± 35	2908–2871	4295 ± 35	-«»-
3	КМ Мустаево V 9/2	ЛЕ 7021	кч	4330 ± 100	3100–2700	2380 ± 100	медный нож, костяная булавка
4	КМ Мустаево V 9/2	ИГАН 3017	г	4290 ± 80	3200–3060	2340 ± 80	-«»-
5	КМ Шумаево 3/6	ЛЕ 6091	кч	4300 ± 150	3300–2600	2350 ± 150	безынвент.
6	КМ Скворцовка 9/1	ЛЕ 8579	кч	4440 ± 140	3340–2920	2490 ± 140	безынвент.
7	КМ Ниж. Орлянка I 4/2	АА 12573	кч	4520 ± 75	3350–3100	2570 ± 75	безынвент.
8	КМ Ниж. Орлянка I 1/5	ОхА 4254	кч	4510 ± 75	3350–3100	2560 ± 75	безынвент.
9	КМ Кутулук I 4/1	ОхА 4306	кч	4400 ± 70	3110–2920	2450 ± 70	медный меч
10	КМ Кутулук I 4/1	АА 12570	кч	4370 ± 75	3100–2910	2420 ± 75	-«»-
11	КМ Полудни 2/7	ИГАН 3233	кч	4542 ± 75	3365–3104	2592 ± 75	«маска» из глины
12	КМ Грачевка II 5/2 (основное)	АА 53805	кч	4342 ± 56	3110–2870	2392 ± 56	кремневые отщепы, сосуд баночной формы, неорнам.
13	КМ Грачевка II 5/2 (основное)	ИГАН 2875	кч	4330 ± 60	3150–2750	2380 ± 60	-«»-
Развитый этап В							
14	ОК Шумаево II п. 2	ЛЕ 6088	д	4100 ± 40	2810–2590	2150 ± 40	деревянные колеса
15	ОК Шумаево II п. 2	ЛЕ 6090	кч	4060 ± 120	2870–2490	2190 ± 120	-«»-
16	ОК Шумаево II п. 2	ИГАН 2448	д	3980 ± 50	2563–2457	2030 ± 50	-«»-
17	ОК Шумаево II п. 2	ИГАН 2391	г	4030 ± 120	2966–2695	2080 ± 120	-«»-
18	КМ Шумаево II 6/6	ЛЕ 6087	д	4070 ± 45	2860–2500	2120 ± 45	деревянное колесо
19	КМ Шумаево II 6/6	ЛЕ 6089	кч	4080 ± 100	2870–2500	2130 ± 100	-«»-
20	КМ Мустаево V 1/1	ЛЕ 6732	д	4140 ± 25	2870–2620	2190 ± 25	медная кирка
21	КМ Мустаево V 1/1	ИГАН 2780	д	4070 ± 30	2615–2503	2120 ± 30	-«»-
22	КМ Мустаево V 1/1	ИГАН 2869	г	4180 ± 70	3100–2900	2230 ± 70	-«»-
23	КМ Болдырево I 1/1	Ki 14518	тр	4080 ± 70	2700–2550	2130 ± 70	медные копье, нож, шилья, железные вещи
24	КМ Скворцовка 7/1	ЛЕ 8580	кч	4230 ± 150	3020–2600	2280 ± 150	каменный пест, медное шило
25	КМ Скворцовка 8/1	ЛЕ 8578	кч	4180 ± 140	2920–2500	2230 ± 140	безынвент.
26	КМ Красносамарское IV 1/3 (осн.)	АА 37031	кч	4241 ± 70	2920–2680	2290 ± 70	безынвент.
27	КМ Ниж. Орлянка I ¼	ОхА 4255	кч	4230 ± 80	2930–2620	2280 ± 80	медный нож
28	КМ Курманаевка III 3/1	АА 47805	кч	4234 ± 60	2920–2680	2284 ± 60	костяная булавка
29	КМ Першин ¼	ВМ 3157	д	4200 ± 60	2910–2660	2250 ± 60	литейная форма для топора

Таблица 2 (продолжение)

30	КМ Н. Павловка V 2/3	Ki 7766	кч	4010 ± 90	2835–2350	2060 ± 90	безынвент.
31	КМ Полудни II 3/1	ЛЕ 7509	кч	4270 ± 80	3020–2700	2320 ± 80	безынвент.
32	КМ Грачевка II 5/1 (впускное)	АА 53804	кч	4179 ± 55	2800–2600	2229 ± 55	кости барана
33	КМ Грачевка II 5/1	ИГАН 2876	кч	4050 ± 70	2700–2500	2100 ± 70	-«»-
34	КМ Подлесное I 3/3	ГИН 13208	д	4290 ± 50	2920–2880	2340 ± 50	безынвент.
35	КМ Подлесное I 3/3	ГИН 13206	д	4260 ± 50	2920–2700	2310 ± 50	безынвент.
36	КМ Красносамарское IV 1/1 (впускное)	АА 37033	кч	4284 ± 79	3020–2700	2334 ± 79	безынвент.
37	КМ Тамар-Уткуль VII 1/1	GrA 54386	кч	4105 ± 35	2848–2600	2155 ± 35	медный нож, костяная булавка
38	КМ Тамар-Уткуль VII 4/9	GrA 54383	кч	4145 ± 35	2864–2635	2190 ± 35	медные нож и шило
39	КМ Тамар-Уткуль VII 8/4	GrA 54390	кч	4145 ± 35	2864–2635	2195 ± 35	медные топор, нож, шило, доло- то, резчик
40	КМ Тамар-Уткуль VIII 4/1	GrA 54382	кч	4165 ± 35	2873–2677	2210 ± 35	медный топор, сосуд из глины
41	КМ Тамар-Уткуль VIII 4/1	Poz-47845	кр	4200 ± 90	3013–2851	2250 ± 90	медный топор, сосуд круглодон.
42	КМ Пятилетка V 5/2	GrA 54392	кч	4140 ± 35	2862–2632	2290 ± 35	медное долото, человеческ. жертва
43	КМ Нижняя Павловка V 1/2	GrA 54391	кч	4175 ± 35	2876–2695	2225 ± 35	медный топор- клевец

Примечание: № 1–4, 20–22: *Моргунова и др.*, 2005; 5, 14–19: *Моргунова и др.*, 2003; 6, 24, 25: *Моргунова, Гольева и др.*, 2010; 9, 10, 27: *Кузнецов*, 1996; 11, 31: *Мышкин и др.*, 2010; 12, 13, 32, 33: *Кузнецов*, 2011; 26, 36: *Кузнецов*, 2003; 28: *Богданов*, 2006; 29: Каргалы, 2005; 30: *Кузнецов*, 2000; 34, 35: *Барынкин и др.*, 2006; 37–43: публикуются впервые.

твенным отличием группы В является наличие разных по величине и сложности оформления погребального ритуала курганов, погребений с человеческими жертвоприношениями и многочисленными металлическими и иными вещами, что свидетельствует о качественно ином уровне жизни и усилении социальной дифференциации в обществе ямной культуры в данный период. По данным палеопочвоведения, отличия погребенных почв этих курганов достаточно существенны, что также говорит об определенном промежутке времени в их сооружении относительно курганов периода А (*Хохлова*, 2007).

По радиоуглеродным данным (табл. 2, 14–43) хронологические рамки «развитого этапа В» определяются в пределах от 3000–2900 до 2600–2500 ВС. Данный возраст подтверждается единичными датами для других памятников ямной культуры Поволжья и Приуралья. Например, для КМ Першин 1/4 с литейной формой для изготовления топоров утевского типа имеется ¹⁴C дата 4200±60 ВР (Каргалы, 2005). Аналогичные даты по костям человека получены профессором Х. Ван дер Плихтом для погребений с топорами, отлитыми в такой же форме, КМ Тамар-Уткуль VII и VIII (табл. 2, 37–40). С ними совпала дата по керамике из этих же погребений (№ 41).

В данном хронологическом интервале по ¹⁴C датам оказались погребения с частями колесных повозок из Шумаево и элитное погребение Болдырево I 1/1 в